

Интервью Дмитрия Хворостовского журналу "Das Opernglas" (Германия), май 1994 г.

Со скоростью лесного пожара распространилась в музыкальном мире с некоторых пор весть о новом восхитительном баритоне: в "Пиковой Даме" Чайковского в оперном театре Ниццы состоялся дебют в западном полушарии нашей планеты молодого русского исполнителя с непронизносимой фамилией. Эффектный, всегда с очаровательной улыбкой на губах, с восхитительным голосом и блистательной внешностью. Уже вскоре вся оперная сцена легла к его ногам. Расхваливают неповторимый бархатный тембр сибиряка, а публика, критики и звукозаписывающая индустрия с готовностью расстелила красную дорожку перед новой самодостаточной звездой. С этой красной дорожки Дмитрий Хворостовский и начал карьеру певца. В наши дни, переполненные на часто сменяющиеся сенсации, она ищет себе подобных: Ла Фениче, Ковент Гарден, Театр Шале, Ла Скала, Лирик опера Чикаго, Лос-Анжелес и Каракас -- дорога на вершину своей отрасли длилась меньше 4-х лет. Дальнейшее направление нацелено на успех. И всё же: поговорка "не всё то золото, что блестит" может быть девизом разговора, который "Opernglas" провёл с Дмитрием Хворостовским по случаю его совсем недавнего концерта в Гамбурге.

"OG":

Ещё пару лет назад быстрорастущая звезда отрасли, сейчас уже Вы стали звездой первой величины на международной оперной сцене. Вы, кстати, довольны, как до нынешнего момента складывается Ваша карьера?

ДХ:

Я думаю, тем, как складывалось до нынешнего момента, я в принципе могу быть довольным. Или Вы видите это по-другому?

"OG":

Нет, конечно нет. Но вопрос не в высших точках, а о трудностях на пути к вершине.

ДХ:

Иногда приходит идея спеть ту или иную роль. И если, как всегда в силу каких-то обстоятельств, не получается, тогда неожиданно начинаешь обвинять Бога, мир, но прежде всего себя. Конечно, через какое-то время успокаиваешься, но сначала мир рисуешь в самых чёрных цветах и потом медленно возвращаешься на Землю, в реальность. Это проблема, которая громоздится у тебя внутри, и только ты один сам можешь её решить и с ней справиться. С другой стороны, иногда возникают проблемы в общении с публикой, примерно, как на моём последнем концерте: внезапно я почувствовал, как моя публика выскальзывает из рук, и мне не удалось разъяснить ей и убедить её, почему я выбрал эту программу...

"OG":

... почему выбор основан на, в основном незнакомом за пределами России, Георгии Свиридове?

ДХ:

Не только Свиридов, но и Генри Пёрселл. Я до этого никогда не исполнял Пёрселла. Благодаря моей коллекции пластинок я, конечно, знаю много его произведений. но там их поют или сопрано или контртеноры. И тут прихожу я с моим выраженным мужским

регистром. Вы можете себе представить, как я себя здорово перестроил. Я должен был своему тяжёлому голосу навязать необходимую лёгкость, приспособить его к тембру и выражениям интимного характера произведения. Я могу Вам сказать, это была тяжёлая работа.

"OG":

Но также искусное начало, чтобы сперва вокально разогреться...

ДХ:

.... кстати говоря, это была моя задумка: согреться с публикой. Удовольствие для обеих сторон. Проблемы начались действительно только со Свиридова, так как стало очевидно, что публика чуть-чуть или вообще не подготовлена к его вокальному циклу. Я имею в виду как музыку, так и средства выражения. Потому что Свиридов - гений. По крайней мере последний из поколения Шостаковича и Прокофьева. И он живёт. Ему сейчас 79 или 80 лет. Я познакомился с циклом Свиридова благодаря Елене Образцовой, которая пела его более чем 10 лет назад. Мне казалось, что эти интерпретации ужасны, и думал, что нужно, что просто нужно лучше сделать. И разбудил своё честолюбие.

"OG":

Но Вы же не думаете, что публика, не важно где, стремится на концерт прежде всего из-за голоса Дмитрия Хворостовского и не очень обращает внимание на программу?

ДХ:

Ну да, скорее всего так. Я тоже так не полагаю, что тысячи людей приходили как раз для того, чтобы познакомиться со Свиридовым или Шостаковичем. Я же не настолько наивен! Возьмём, к примеру, Гамбург. Когда я прибыл, мне осторожно сказали, что продается примерно половина билетов. И так, были организованы прес-конференции, интервью, передачи на радио, и это действительно повлияло на массы. В конце концов оперный театр был почти полный...

"OG":

... в противоположность к Вашему дебюту в Германии два года назад в камерном зале Филармонии, чья зияющая пустота была удостоена "Свидетельством бедности" от берлинских меломанов. Но есть ли вообще реальный путь, чтоб публику привести к такому постороннему репертуару как Георгий Свиридов?

ДХ:

Я знаю, что это невысказанно сложно. Но, может быть, при подготовке такого вечера должна участвовать пресса и радио: представления, биографические заметки, примеры музыки с соответствующими комментариями -- я думаю, это была бы реальная возможность. Может быть, также вводное мероприятие в самом оперном театре? В России всегда достаточно записей, которые могли бы завлечь. Но может быть я слишком много требую, не знаю. Успех или неудача, если так хочется обозначить, зависит также во многом от конкретной публики. В Вене, где я исполнял тот же цикл, что и на концерте в Гамбурге, публика выглядела в отключке. Постоянно срывалась в такие овации, которые при подобных программах ещё никогда не встречались.

"OG":

Между тем не в состоянии удержаться от впечатления, что Вы, как на оперной сцене, так и в концертном зале, представляете себя послом русской музыки.

ДХ:

Да, можно и так сказать. Это как-то очень близко лежит, или? Я чувствую себя на связи с новым поколением молодых российских музыкантов. И в этом круге я вижу, что мои интерпретации Чайковского, Рахманинова или Муссоргского явно отличаются от таких же других. В ноябре после моего последнего концерта в Москве, составленного из музыки Чайковского, Рахманинова, Муссоргского, Бородина и Римского-Корсакого, возник настоящий скандал, потому что некоторые люди просто не смогли уяснить для себя мою манеру исполнения этого репертуара. Конечно, я пою Муссоргского достаточно жёстко и уродливо, но для этого у меня есть основания. А так как с другой стороны я получил восхитительные отзывы критиков, и преобладающая часть публики любит меня за мои трактовки, я не мог ошибиться. По-меньшей мере я претендую на атрибут: интересно.

"OG":

Озвученная Вами разница между поколениями есть не только среди российских деятелей искусств, но и во всём мире: на широких просторах происходит сейчас современная смена караула.

ДХ:

Но это не только вопрос возраста. Посмотрите наше время: глубокие декольте и полное изменение традиционных ценностей, куда ни посмотришь. Люди меняются так же сильно, как и время и уже между 30ти и 40летними огромная разница.

"OG":

Давайте будем поконкретней: в чём Вы видите разницу между такими уважаемыми коллегами как Каппчилли, Цанканаро или Брузон и Вами?

ДХ:

Вы только что выбрали самые-самые сливки среди баритонов! Я бы никогда не взял бы на себя смелость в какой-либо форме вступить с вышеназванными в соревнование. Это как идола или образцы, которые превосходят почти всё.

"OG":

Речь идёт не только о соревновании, но гораздо больше о возможной разнице в интерпретации, стиле исполнения и обхождения с определённым репертуаром.

ДХ:

Да, но не забывайте, эти трое итальянцы, и может быть надо их прежде с такими исполнителями как Паоло Кони, Роберто Аланья или Мишель Пертузи сравнивать. То есть итальянцы с итальянцами. Но если хорошо подумать, то различия находятся в представлении сценического движения. Сегодня больше недостаточно просто стоять на сцене и красиво петь, или по крайней мере не должно быть достаточно. Если образно выразиться, то на оперную сцену обязательно что-то другое "переноситься". Опера, как мы знаем и не перестаём об этом говорить, отмирает. Это происходит уже века, но при этом выглядит всё очень хорошо. Оперу необходимо только освежить. Например, активной, живой игрой. Это требование к музыкальным театрам, которые сейчас в центре внимания, и это справедливо. А в сочетании с выдающимся исполнением музыки есть единственный шанс на выживание жанра.

OG":

Скоро Вы будете петь в Государственном оперном театре "Unter den Linden" в "Севильском Цирюльнике" Россини, во всё ещё путеводной инсценировке Рут Бергхауз. Здесь у Вас современная режиссура, но в этом случае всё же высококачественная. Ключевое слово Россини ведёт нас автоматически в направление бельканто -- территория, на которой Вы с недавнего времени снова и снова работаете. Это относится и к последнему представленному диску.

ДХ: Скажем лучше так: дата выхода актуальна, но когда состоится запись в студии, даже сам бог не знает. В конце концов камерный концерт состоялся в июле 1992 года, и тогда я, кстати, тоже не был доволен результатом....

"OG":

... критики будут считать по-другому, потому как услышать этот диск уже событие.

ДХ:

Благодарю за похвалу, но Вы видите, что этот репертуар оказался настолько исключительным, что пока ни о чем другом нет времени подумать. Я знаком с записями Баттистини, Тито Руффо и другими, слушал их в прошлом. Из-за катастрофической нехватки времени мне едва предоставился случай углубиться в "приложения", различные виртуозные соло и в ту или иную композиционную особенность, что мною и было сделано с большим желанием. Но в то же время всегда присутствует этот спор о правах на исполнение, которые как правило находятся у режиссёра, что означало бы, что я подчиняюсь исключительно официальной роли и не имею право ту или иную маленькую импровизацию. Меня это грустно забавляет, и было бы ложью сказать, что я ожидал выход записи без напряжения и радости.

"OG":

В чистом бельканто последним баритоном был Лео Нуччи, который много лет назад записывал программу бельканто, и спрос на такую музыку, безусловно, есть.

ДХ:

Вас это удивляет? Эта музыка замечательна, и мы певцы также заинтересованы в ее исполнении. В бельканто столько интимности, яркости, наивности и невероятного романтического чувства.

"OG":

Судя по Вашим рассуждениям, в будущем Вы будете чаще сталкиваться с этой музыкой?

ДХ:

Все же думаю, что нет, это не так. Мне становится скучно, если я надолго зависаю в оперных постановках. Можно не требовать максимума от своих певческих возможностей и голоса, за исключением, пожалуй, красивой вокальной линии. И у меня это получается, но для меня это, скажем открыто, мало. Конечно, я мог бы спеть ту или иную роль, о которых мечтаю, делая это между уже состоявшимися проектами: Энрико в "Лючии Ди Ламмермур" Доницетти уже давно привлекает меня. Риккардо в "Пуритане" Беллини я буду петь в апреле и мае в Венской государственной опере, чему я очень рад. Но нужно и менять стиль и имидж в моей певческой карьере.

"OG":

Могут ли Вас пригласить в Россию на традиционное исполнение бельканто или для певцов Вашей страны это является музыкальным новшеством? Насколько я помню, в Советском Союзе были сделаны "домашние" записи этого типа репертуара- "Лючия", "Норма", "Разбойники".

ДХ:

Да, это есть в нашей стране, и в достаточном количестве.

"ОГ":

И как обстоят дела с популярностью этого жанра?

ДХ:

Я бы сказал, что популярность этого жанра присутствует повсюду. Всё же у нас есть ещё Зара Долуханова, довольно известная, которая начала как меццо-сопрано, прежде чем она стала сопрано, и в этом качестве она могла бы встать в ряд одних из самых выдающихся певиц современности. В Москве в театре Станиславского некоторое время шла очень успешно постановка "Разбойники". Таким образом, мы русские в этом отношении выражаем общую тенденцию, но именно поэтому посвящаем себя не только пению бельканто.

"ОГ":

Видите ли Вы родственные связи между русской классической музыкой и итальянской школой первой половины 19 века?

ДХ:

Да, здесь мне видятся некоторые линии связи. Не смотря на то, что оперная жизнь в России всего 19 века имела явную и определённую симпатию к итальянской опере, мы прежде всего имеем в виду именно Михаила Глинку. Его оперы были написаны по чистейшему итальянскому образцу: структура, заглавная ария, звучание *arroggiature*, это всё можно найти у Глинки. И в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Киев или даже Одесса существуют чрезвычайно успешные итальянские оперные постановки, которые, конечно, не остаются без оказания влияния на музыкальную жизнь в целом по стране.

Позднее в 19 веке получило развитие соперничество между итальянским и вагнеровским стилями, что можно отчётливо проследить у Римского-Корсакова и его могучих хоровых картинах. Тот же Джузеппе Верди написал свою "Силу судьбы" в 1862 году для оперного театра в Петербурге.

"ОГ":

Было бы, наверное, небезынтересно Вам однажды поучаствовать в оперном проекте, скажем, Глинки, Беллини или Доницетти в рамках одной серии постановок, чтобы потом сопоставить и сравнить их схожесть и различия, нет?

ДХ:

Это я могу очень хорошо себе представить. Также очень любопытно исполнить бельканто в русских операх. В скором времени в Сан-Франциско будут ставить "Руслан и Людмила" Глинки. В этом проекте заявлены Валерий Гергиев и очень интернациональный состав исполнителей. Первоначально партию Руслана должен был исполнять Самуэль Рамей, высокий баритоновый бас. Это было бы очень интересно, т.к. мне думается, что на сегодняшний день в мире имеется только один певец, который может достойно и убедительно исполнить партию Руслана. И у него именно тот самый

голос, который нужен этой роли. Но он, к сожалению, отказался петь русскоязычную партию. Я лично это посчитал неприличным, поэтому рад, что он отказался. Жаль, ведь опера могла стать сенсацией.

"OG":

И Вы не стали бы исполнять эту партию?

ДХ:

Со мной? Руслана? Не думаю, может, лет через 10. Никогда не рассматривал для себя участие в этой опере, по крайней мере сейчас.

"OG":

Итак, если будущее Дмитрия Хворостовского не будет посвящено бельканто, тогда чему? Изучая Ваш календарь выступлений, можно прийти к выводу, что Ваш репертуар охватывает весь оперный горизонт.

ДХ:

Хорошее попадание. Также вижу и я. Я не отношусь к типу людей, которые занимаются исключительно чем-то одним, мне нравится разнообразие, я всегда в поиске и прохожу через всю музыкальную географию.

"OG":

Это происходит добровольно, или за подобным поиском скрываются определённые коммерческие цели?

ДХ:

Нет, я совершенно свободно составляю свои выступления исходя из своих собственных ощущений и желаний, отталкиваясь от расположения духа и стремления исполнять те или иные произведения. Во мне происходит быстрая смена настроений, так что я часто скучаю и по концертам, и по оперным постановкам. Я всегда нахожусь в поиске, я всегда хочу попробовать что-то новое для себя и иногда возвращаюсь к старому и уже проверенному репертуару.

"OG":

Значит, Ваш артистический (творческий) Символ Веры мог бы звучать: " Всегда в поиске новых ощущений"?

ДХ:

Да, это довольно точно отражает моё нынешнее состояние. Наконец, что касается моей теперешней карьеры заграничной, это практически всегда что-то новое для меня. Конечно, с основами репертуара я уже знаком, получив консерваторское высшее образование. Но личный репертуар исполнителя обязательно связан с объёмом работы: если много приглашают, то количество увеличивается.

"OG":

Но звукозаписывающие студии и оперные театры могут видеть совсем иное: один раз Онегин - значит, всегда Онегин; один раз Жермон, значит, всегда Жермон. Чувствуете ли Вы себя как некая загруженная лошадка, которой манипулируют?

ДХ:

Вначале это случалось, иногда это происходит и сейчас. Онегина я пел слишком много, как раз недавно я исполнил его в Royal Opera и в Монте-Карло. Впрочем, это была довольно современная инсценировка, с небольшими декорациями. Но это выглядело функционально великолепно, потому что внимание публики не отвлекалось на мелочи, и она свободно была поглощена нашей игрой и пением.

"OG":

Разрешите мне ещё раз подхватить одну из Ваших высказываний: Рамей и русский язык. Вообще, русские оперы в оригинале. Как чувствует себя русский человек среди интернационального нерусскоговорящего состава исполнителей?

ДХ:

Всё происходит смотря по обстоятельствам. Но в целом по моему мнению талантливые певцы справляются с языковой проблемой сравнительно легко. Настоящий музыкант вливается в любой состав без трудностей. Возьмите, к примеру, Нучию Фочиле. Он исполняет великолепную Татьяну в "Онегине". С хорошей дикцией русского языка. У нас была целая серия выступлений в парижском театре Шаттле. Это стало подготовкой для записи оперы в студии, бесценный опыт и преимущество для последующего диска.

"OG":

Нучия Фочиле и Вы, во всяком случае, можете ли так определённо оценить, возможно ли без влияния охватывающего весь мир музыкального шоу-бизнеса построить творческую карьеру? Верите ли Вы в такую возможность?

ДХ:

К сожалению, нет. Сегодня это единственный путь, чтобы достичь вершины в музыкальной карьере. Особую роль играют звукозаписывающие компании и продажа дисков. Но не будем забывать и о личной профессиональной дисциплине, требовательности к себе самому. Ведь все хотят сотрудничать с лучшими дирижерами мира, петь и выступать на лучших оперных площадках, и не однократно. С другой стороны, лишь Бог знает о том, что нам уготовлено, или?.. Думаю, в этом нет ничего дурного, если бы звукозаписывающая индустрия взяла бы на себя функцию эдаких меценатов, которые раньше, вплоть до начала нашего века самостоятельно представляли молодых исполнителей. Я боюсь, что эта практика является слишком давней и устаревшей.

"OG":

Но такие связи могут быть и вынужденными. Возьмём пример эксклюзива на запись определённых концертов. Как это можно оценить?

ДХ:

Это можно рассматривать под разными ракурсами. Могу привести свой собственный пример: мой эксклюзивный договор с Филипс Классикс помог мне получить большой доход и поддерживает меня доныне. Я имею с Филипс все договоры: опера, камерные концерты, оркестровые концерты. Я имею от них неоценимую поддержку. Но я, как и прежде, являюсь сам себе хозяином в выборе репертуара и концертного расписания, и хотел бы таковым и оставаться всегда.

"OG":

Наверное, Ваше личная индивидуальность подкрепляется Вашим имиджем самобытности на оперных площадках и концертных сценах. И логическим следствием этого является не та ли тоскливая ностальгия, с которой многие сегодня посматривают в сторону театральных трупп?

ДХ:

Я через это уже прошёл. И мне такой опыт очень пригодился, поэтому я сейчас и являюсь убежденным одиночкой. Но, конечно, работая в театрах или в студии над проектами и записями дисков, я делаю максимум возможного для коллектива, сливаюсь с командой.

"OG":

Ещё раз посмотрим в будущее. Где Вас можно будет увидеть в ближайшее время?

ДХ:

На Зальцбургском фестивале 1995 года, на следующий год, я буду играть графа Альмавива постановке " Свадьба Фигаро" Харнокурта. Там соберется очень сильный состав исполнителей: Брин Терфель, Сильвия Макнайр... Затем я приступлю к роли Дон Жуана. После в планах роли графа Ди Луна и Ренато в соответственно "Трубадура" и "Бале-маскараде". Ничего из русского репертуара, предвидя Ваш вопрос на этот счёт. В русской опере большие баритоновые партии для меня там непростые и временами слишком драматические: "Демон" Рубинштейна, "Царская невеста" Римского-Корсакова, "Мазепа" Чайковского. Я должен немного повзреть, прежде чем отжаться на эти партии. Подожду несколько лет. Но всё же, по крайней мере, в студии, я посвящаю время русским композиторам: Валерий Гергиев ставит летом в Кировском театре "Иоланту" Чайковского для Филипс Классикс, также запланирована на это лето в Санкт-Петербурге запись православной церковной музыки, невероятно интересная работа, даже смею подумать, что это будет бестселлером в будущем. У Бориса Христова этот материал был уже записан в 50-е и 60-е годы, но мы хотим сделать нечто новое - только с камерным хором акапелло. Должно получиться очень душевно и возвышенно.

"OG":

Это может выглядеть как современный кроссовер. Нет ли страха прикосновения?

ДХ:

Нет, почему я должен его иметь? Хотя временами я нервничаю, но через несколько лет... Кто знает что будет..

"OG":

Очень часто и охотно говорят о необыкновенной патриотичной любви русских к своей родине. Где чувствует себя действительно дома такой занятый и довольный поездками исполнитель как Дмитрий Хворостовский?

ДХ:

Это хороший вопрос, ответить на него довольно трудно. Скорее всего Красноярск. В Красноярске живут мои родители, которых мне очень не хватает. Вообще, это мой родной город. В любом случае не Москва, я не поклонник этого города. Первоначально я хотел купить дом в Сорренто. Но мнения разошлись, и в конце концов я купил дом в Лондоне. Но буду ли я там по-настоящему дома?... Этого я не знаю.